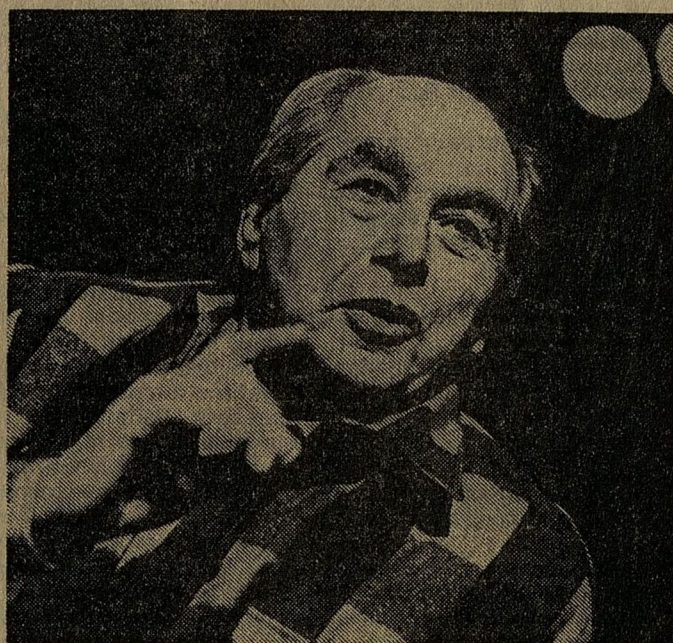

“Князь Игорь народного танца”

Труд - 1994 - 17 нояб - 97

В рабочем кабинете И.А.Моисеева кроме множества афиш и реликвий стоит бюст балетмейстера работы Льва Кербея. Но сам Игорь Александрович, хотя его и называли на недавнем юбилее “князем Игорем народного танца”, весьма

прост в обращении и не очень похож на собственное изваяние. Он по-прежнему живой, энергичный и внимательный к собеседнику в свои неполные 89 лет, 70 из которых отданы танцу, 57 — созданному им ансамблю.

— Игорь Александрович, сейчас многие артисты, даже в более молодом возрасте, переквалифицируются в мемуаристов. У вас нет такого желания?

— Я бы засел за воспоминания, но на это не хватает времени. Сегодня и ежедневно моя забота — жизнь труппы. Состоящей из 120, между прочим, человек. Когда я прихожу на репетиции, в глазах каждого немой вопрос: есть ли для меня работа? В этом году я практически не могу поставить ничего нового, потому что в ансамбле происходит смена поколений. На место “стариков” пришли выпускники нашей школы-студии. Да, они пока не “доросли” до своих многоопытных коллег, но надежды подают. Вот когда к ним перейдет наш репертуар полностью (а это около 300 номеров), надо будет думать о новых постановках. Другое дело — если бы я ушел на пенсию, то, вероятно, давно написал бы воспоминания.

— И как бы они назывались?

— Не знаю. Может быть, “Летопись долгой жизни”. Или что-нибудь в этом роде.

— А самая важная глава чему бы посвящалась?

— Конечно, ансамблю. Собственно, вся книжка была бы о нашем коллективе. Все остальное, в том числе и Большой театр, — это эпизоды.

— А сегодняшнему дню Большого в нем нашлось бы место?

— Наверное, нет. Я там почти не бываю. И знаете, из-за чего? Из-за вконец распоясавшихся наемных рукоприкладцев — клкеров. Слушать их хорошо организованные очередной примой восторженные вопли — свяще моих сил. А из прошлых времен я бы вспомнил, наверно, очень хороший балет В.Оранского “Три толстяка”, который мне довелось ставить. Это был успех.

Начинал же я как балетмейстер с постановки (тоже в Большом театре) балета “Футболист” того же автора. Балетмейстеры, которым поначалу поручили эту постановку, были уже в солидном возрасте и понятия не имели, что такое футбол. Я поставил заново несколько номеров примерно за месяц, танцевал главного героя. Сюжет балета, правда, был примитивным. Но, видимо, он вполне отвечал запросам художественного совета, который состоял из рабочих и партийных чиновников. Они решали, что хорошо, что плохо. А потом в Большом театре появилось балетмейстерское “пополнение” из Ленинграда, и то, что было сделано нами раньше, вдруг оказалось не нужно. Сначала я маялся без постановок, а потом вовсе ушел из театра и сделал свой ансамбль.

— Говорят, что это было указание “сверху”...

— Это была моя инициатива. Я много ездил по Союзу и видел десятки замечательных танцевальных ансамблей. В Москве не подозревали, какое богатство традиций и талантов нас окружает и пропадает на периферии. Все расставил по местам фестиваль народного танца, который прошел в Москве. После этого я написал письмо Молотову и предложил создать такой коллектив, который развивал бы лучшие традиции народного танца, был их хранителем в масштабах всей страны. Молотов ответил: предложение интересное, вы его и реализуйте. Это уже было “руководящее указание”.

— Говорят, что вы — счастливчик, и над вами никогда не висел пресловутый дамоклов меч “контроля над творчеством”, а то и репрессий...

— Висел. И почти всегда. Кстати, потому, что ко мне благоволил Сталин. Именно он стал говорить про ансамбль “моисеевский”, хотя труппу в свое время тоже хотели назвать чем-то вроде “Березки”. Но все знают, как часто он менял гнев на милость и наоборот. Сам удивляюсь, как мне в 1937 году

разрешили возглавить государственный коллектив. Я ведь был “лишенцем”. Знаете, что это такое? Лишение избирательных прав. И все потому, что мой отец был дворянином. Уже не упомяну, сколько раз в разные годы меня вызывали в разные партийные комиссии — от райкома до ЦК. И пытали, почему я не вступаю в партию.

— Так и не вступили?

— Так и не вступил. Подобную дерзость могли бы счесть непростительной, но... Слух о том, что Сталин благоволит к “моисеевцам”, не давал расправиться с их руководителем. Мы ведь не вылезали из Кремля. Ни один прием не обходился без выступлений ансамбля А.Александрова, наших танцоров, И.Козловского, М.Рейзена, М.Михайлова, С.Образцова. Кстати, и это помещение над станцией метро “Маяковская”, где мы сейчас находимся, тоже получено благодаря Сталину.

Однажды на приеме он сам подошел ко мне и спросил, как дела. Я решил пожаловаться. Плохо, мол, негде репетировать. Снимаем чуть ли не по ночам клубные площадки, танцуем в спортзалах, а хозяева обижаются, что мы им пол испортили. Сталин поднял руку вверх и даже не помахал, а пошевелил пальцами. Из-под земли вырос А.Щербаков, первый секретарь МК. “Им негде работать”, — хмуро сказал Сталин. — Завтра доложи, куда определил моисеевский ансамбль”.

На следующий день Щербаков раздвинул передо мной шторы своего кабинета, где во всю стену простиралась карта Москвы, и велел выбирать. Я указал на дом, где заканчивали строить станцию метро “Маяковская”. Но Щербаков переусердствовал. Он понял так, что я прошу чуть ли не весь дом. Поэтому филармония долгое время ютилась в Ветoshном переулке и очень на нас злилась. Вслух, впрочем, никто не посмел возмутиться.

Но вскоре история повторилась. Во время войны мы года полтора разъезжали по Уралу, Дальнему Востоку, гастролировали в Монголии. А когда вернулись в Москву, выяснилось, что нам снова негде работать. Правда, часть помещения удалось отбить, но гораздо меньшую, чем раньше.

— За те долгие годы, что вы руководите ансамблем народного танца, не раз менялись представления о том, что такое народ и какое искусство ему нужно, какое место в нем занимает народный танец. И сейчас наша культура переживает не лучшие времена, ломаются традиции, разъезжаются по миру артисты... А ансамбль Моисеева как ни в чем не бывало продолжает удивлять своим искусством не только соотечественников, но и планету...

— Мы ведь не просто танцевали

народные танцы, а, так сказать, поднимали темы, актуальные для народного сознания. Потом наши сюжеты, композиции, естественно, входили обратно в фольклор, как это произошло с белорусским танцем “Бульба”. Сейчас думают, что такой танец под веселую полечку был всегда. А ведь эту полечку мы сначала увезли из Минска, а потом вернули белорусам.

Да я никогда и не был “фотографом” народного танца. Это ведь материал, который по самой своей природе предполагает дальнейшее творческое развитие. Иначе это уже не искусство, а этнография. Наш ансамбль и отличался тем, что поднимал народный танец на высоту профессионального мастерства, расширял его язык, выводил на театральную сцену. Конечно, сегодня мы уже не те, что были 50 или 30 лет назад, но сохраняем свою “классику”, свои традиции.

Гастроли по всему свету привели к тому, что мы не только “себя показали”, но и “людей посмотрели” — изучили танцы самых разных стран. Так образовалась программа “В гостях и дома”.

— В общем, если я понял правильно, это своеобразная энциклопедия мирового танцевального фольклора, но с другой стороны — история отечественного народного танца в трактовке ансамбля Моисеева. Мы вот говорили о ваших возможных мемуарах. А если представить себе такую ретроспективную танцевальную программу, отразившую почти 60-летнюю историю ансамбля?

— Ну это, по-моему, невозможно. Несколько сотен номеров растянулись бы на целый месяц ежевечернего показа. Да в этом и нет необходимости. Все лучшее остается в репертуаре и, кроме того, мы регулярно готовим премьеры. Несколько лет назад это была “Греческая сюита” на музыку М.Тедоракиса, в нынешнем году — еврейская сюита “Семейные радости”. Что будет дальше, посмотрим. Надо пригласиться к молодой смене, к ее возможностям. Им ведь только по 18...

— Ну вы-то, мне кажется, своим творческим и жизненным задором дадите 100 очков вперед любому вашему дебютанту.

— А знаете, в чем секрет? Однажды я даже сочинил про это стихи:

Если старость держит вас за фалды,

Не дает по-юному взлететь,
Ублажает стать тупей кувалды,
Плотно есть, лениться и толстеть,

Надо только волю проявить —
Молодость сумеете продлить...

Беседовал и записал
ненаписанные мемуары
Александр ЧЕПАЛОВ.